

УДК 93/94

doi:10.21685/2072-3024-2021-4-5

Крестьянское движение в России в конце XIX – начале XX в.**В. В. Кондрашин¹, И. Н. Слепнёв²**^{1,2}Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Россия¹vikont37@yandex.ru, ²witte@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящее время в Институте российской истории РАН ведется подготовка обобщающего академического издания по отечественной истории. Безусловно, такое издание не может не включать разделы о наиболее массовом сегменте населения дореволюционной России – крестьянстве – и характеристике той роли в социально-массовых движениях, которую оно сыграло в предреволюционный период. Цель данной работы – на основе анализа и обобщения достижений отечественной историографии показать характерные черты и особенности крестьянского движения в период с 90-х гг. XIX в. по начало Первой русской революции. *Материалы и методы.* Реализация поставленных задач была достигнута на основе использования как опубликованных массивов документов из центральных и местных архивов по данной теме, так и опубликованной в сборниках известной «Дружининской» серии «Хроник крестьянского движения». Использование последних позволило перепроверить и уточнить тенденции и статистику крестьянского движения. В ходе работы был применен сравнительно-исторический метод, с помощью которого удалось показать широкую картину крестьянского движения в различных регионах Российской империи. Применение статистического метода позволило проанализировать данные, связанные с динамикой массовых выступлений и их отличительными чертами на различных этапах и в разных регионах. *Результаты.* Рассмотрены предпосылки, динамика и этапы крестьянского движения, а также удельный вес крестьянских выступлений по регионам и состав участников по категориям крестьянства. Показано содержание и виды крестьянских выступлений в 1890–1904 гг. Подробно охарактеризованы выступления крестьян Полтавской и Харьковской губерний в 1902 г., крестьянский протест в Сибири и окраинных губерниях. Охарактеризована карательная политика власти по отношению к крестьянским выступлениям. Показаны попытки корректировки властью текущей аграрной политики. Даны оценки роли антиправительственной пропаганды и стихийности в крестьянском движении. *Выводы.* Обобщение достижений отечественной историографии с одновременным привлечением фундаментальной опубликованной источниковой базы и хроник крестьянского движения позволило сделать итоговое заключение о том, что разрабатываемые правительством реформы и принимавшиеся меры административного и финансового характера не могли кардинальным образом улучшить положение подавляющей массы крестьянского населения страны. В силу этого складывались предпосылки для нового подъема крестьянского движения. Также подчеркнут вывод об эскалации насилия в российской деревне в предреволюционный период.

Ключевые слова: российская деревня, крестьянство, община, крестьянские волнения, антиправительственная пропаганда, аграрная политика, власть

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Для цитирования: Кондрашин В. В., Слепнёв И. Н. Крестьянское движение в России в конце XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 45–60. doi:10.21685/2072-3024-2021-4-5

Peasant movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries

V.V. Kondrashin¹, I.N. Slepnev²

^{1,2}Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

¹vikont37@yandex.ru, ²witte@yandex.ru

Abstract. *Background.* Currently, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences is preparing a generalizing academic publication on Russian history. Of course, such publication cannot but include sections on the most massive segment of the population of pre-revolutionary Russia – the peasantry and the characteristics of the role in social and mass movements that it played in the pre-revolutionary period. The purpose of this work is based on the analysis and generalization of the achievements of domestic historiography to show the characteristic features and features of the peasant movement in the period from the 90s of the 19th century to the beginning of the First Russian Revolution. *Materials and methods.* The implementation of the tasks was achieved both through the use of published arrays of documents from central and local archives on this topic, and published in the collections of the famous “Druzhininskaya” series “Chronicles of the Peasant Movement”. The use of the latter made it possible to double-check and clarify the tendencies and statistics of the peasant movement. As a methodology, a comparative-historical method was applied, with the help of which it was possible to show a broad picture of the peasant movement in various regions of the Russian Empire; the application of the statistical method made it possible to analyze data related to the dynamics of mass demonstrations and their distinctive features at different stages and in different regions. *Results.* The prerequisites, dynamics and stages of the peasant movement, as well as the specific weight of peasant performances by region and the composition of participants in the categories of the peasantry are considered. The content and types of peasant demonstrations in 1890–1904 are shown. In detail the performances of peasants of Poltava and Kharkov provinces in 1902, peasant protest in Siberia and the outlying provinces are characterized. The punitive policy of the authorities in relation to peasant uprisings is characterized. Attempts to adjust the current agrarian policy by the authorities are shown. The role of anti-government propaganda and spontaneity in the peasant movement is assessed. *Conclusions.* The generalization of the achievements of Russian historiography with the simultaneous involvement of the fundamental published source base and chronicles of the peasant movement made it possible to draw the final conclusion that the reforms developed by the government and the administrative and financial measures taken could not radically improve the situation of the overwhelming mass of the peasant population of the country. Because of this, the prerequisites for a new rise of the peasant movement were formed. The conclusion about the escalation of violence in the Russian countryside in the pre-revolutionary period will also be emphasized.

Keywords: Russian village, peasantry, community, peasant unrest, anti-government propaganda, agrarian policy, power

Acknowledgments: the article was prepared within the RAS Institute of Russian History’s project on compiling “The History of Russia” multi-volume academic work. Published for testing purpose.

For citation: Kondrashin V.V., Slepnev I.N. Peasant movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;(4):45–60. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-4-5

Проявлением назревавшего в стране на рубеже веков революционного кризиса было крестьянское движение. Его истоки восходили к крестьянской реформе 1861 г., которая предопределила специфику развития земельных отношений в деревне и крестьянский протест на их основе на многие десятилетия вперед.

Прежде всего, реформой 1861 г. была заложена противоречивость в отношениях крестьянства к праву собственности. С одной стороны, крестьяне были наделены землей, переданной им за выкуп. Этим сама самодержавная власть создала юридический прецедент принудительного отчуждения земли у помещиков в пользу крестьян. С другой стороны, реформа имела паллиативный характер из-за низкого финансового приоритета и малого содействия прогрессивному развитию крестьянского хозяйства. Придавленность крестьянства выкупными платежами, рост налогов и иных платежей, форсирование индустриализации в ущерб развитию сельского хозяйства – все это снимало с повестки дня перевод крестьянского хозяйства на интенсивный путь развития, снижало его устойчивость к воздействию неблагоприятных погодных условий и колебаниям рыночной конъюнктуры, приводя в конечном счете к его стагнации и регрессу.

Преобладание экстенсивного пути развития крестьянского хозяйства вызывало обострение проблемы малоземелья. Уже с 1870-х гг. в среде крестьянства стали распространяться слухи о предстоящем «черном переделе». Несмотря на упорную борьбу самодержавной власти, включая самих российских монархов, с подобными слухами, они были удивительно живучи и обладали способностью трансформироваться и возрождаться вновь и вновь. Стремясь искоренить эту нехитрую, но чрезвычайно живучую крестьянскую логику, и Александр III, и Николай II неоднократно напоминали крестьянству тезис о неприкосновенности частной собственности на землю. Этой теме было посвящено и выступление Николая II во время коронационных торжеств в мае 1896 г. перед волостными старшинами [1, с. 8].

Однако реальность оказалась иной. Вместо следования монаршим наставлениям российская деревня на рубеже XIX–XX вв. продемонстрировала стремление к изменению сложившихся земельных отношений, продолжив и активизировав крестьянское движение.

Применительно к последним десятилетиям накануне Первой русской революции в отечественной историографии определены его этапы, основные количественные показатели, формы, состав и региональные особенности [2, с. 28, 58–68, 69–85].

Факты повседневной борьбы российской деревни в указанный период зафиксированы в общероссийских «Хрониках крестьянского движения». Опубликованная статистика общероссийского крестьянского движения за 1890–1904 гг. (несмотря на ее некоторую неполноту по причине недоиспользования в полном объеме документов региональных архивов) позволяет показать его динамику и качественное состояние в указанный период (табл. 1) [3, с. 601–648; 4, с. 259–310].

Таблица 1

Динамика крестьянского движения в России в 1890–1904 гг.
(по материалам «Хроники крестьянского движения»)

Годы	Учтенные факты крестьянских выступлений	В процентах к среднегодовому количеству выступлений
1890	45	59
1891	37	49
1892	53	70
1893	34	45
1894	31	41
1895	28	37
1896	113	149
1897	83	109
1898	51	67
1899	52	68
1900	32	42
1901	96	126
1902	223	293
1903	148	195
1904	113	149
Всего	1139	–
В среднем за год количество выступлений	76	100

Приведенные в табл. 1 цифры подтверждают факт непрерывного проявления на протяжении 1890–1904 гг. крестьянского протеста и позволяют говорить не об отдельных фактах недовольства крестьян, а о крестьянском движении.

Благодаря расчетам А. М. Анфимова установлены категории крестьян, наиболее активно участвовавших в крестьянском движении в указанный период на территории Европейской России. Они подтверждают сделанный вывод о сосредоточении главных очагов недовольства крестьян в губерниях с преобладанием помещичьего землевладения, поскольку самой активной категорией участников крестьянского движения были бывшие помещичьи крестьяне (51 % учтенных крестьянских выступлений за 1890–1904 гг.). За ними следуют государственные (28 %), затем – удельные (6 %). Поскольку к началу Первой российской революции на рассматриваемой территории насчитывалось 3,8 млн дворов бывших помещичьих крестьян, имевших надельную землю, и соответственно 4,5 млн дворов государственных и 372 тыс. дворов удельных крестьян, очевидно, что с наибольшее социальное напряжение существовало в бывшей помещичьей деревне [5, с. 205].

Анализ статистики крестьянского движения позволяет выделить два его этапа: до начала XX в. и в первые годы нового столетия, накануне Первой

российской революции. Для последнего десятилетия XIX в. особо выделяются 1896–1897 гг., характеризовавшиеся всплеском крестьянского сопротивления в связи с активизацией наступления землевладельцев на земельные права общин. Наибольшим по интенсивности крестьянских выступлений в конце XIX – начале XX в. был период 1901–1904 гг. В начале XX в. рост крестьянских выступлений был обусловлен экономическим кризисом в стране и голодом, поразившим в 1902 г. основные зерновые районы России, ставшим кульминацией череды предшествовавших неурожайных лет [6, с. 79].

Каждый из названных этапов при общем направлении в сторону усиления крестьянского протеста имел свои особенности.

Например, 1890-е гг. ознаменовались феноменом крестьянских волнений на почве недовольства мероприятиями местных властей по профилактике и борьбе с эпидемиями чумы и холеры. В 1890–1897 гг. на территории Астраханской, Екатеринославской, Оренбургской, Полтавской, Самарской, Ставропольской, Тамбовской, Терской и Харьковской губерний, а также Кубанской области и области Войска Донского было зарегистрировано 30 крестьянских выступлений против убоя чумного скота, запрета его продажи на ярмарках, а также против проведения полицией и санитарными отрядами противохолерных мероприятий [3, с. 602, 609–611, 613, 614, 616]. В трех случаях применялась военная сила, вплоть до расстрела участников волнений и их публичной порки розгами [7, с. 143].

Постоянным явлением в указанный и последующий периоды были циркулирующие в крестьянской среде различные слухи, которые в ряде случаев усиливали интенсивность крестьянского протеста. Так, весной 1892 г. в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии под воздействием слуха о грядущем крещении, пришедшего из Оренбургской губернии, крестьяне-мусульмане, готовясь к переселению в Турцию, распродала имущество, составляли переговоры и денежную подписку на переселение [7, с. 142].

Среди ходивших в крестьянской среде слухов наиболее распространенными были слухи, связанные с земельным вопросом, а также прощением недоимок, отменой различных платежей и дарованием льгот, распространители которых, как устанавливала полиция, подстрекали крестьян к неповиновению. В большинстве своем распространителей слухов полиция выявляла среди отставных солдат, а также среди крестьян-отходников.

Поводами для распространения слухов становились важные государственные события. Например, в начале 1897 г. в Оренбургской губернии ходил слух об отмене круговой поруки и недоимок по выкупным платежам в связи с выходами Манифестов Николая II о коронации [7, с. 144, 145].

В 1890-е гг. одной из форм крестьянского движения была незаконная подача прошений и жалоб на имя Александра III, Николая II и царских министров с просьбами разрешить в их пользу споры с помещиками из-за земли, а также сложить накопившиеся недоимки, в первую очередь по выплачиваемым ими с 1861 г. выкупным платежам. Крестьян нередко привлекали к ответственности за несанкционированные обращения к царственным особам. В результате к концу XIX в. «царистские иллюзии» начинают ослабевать и крестьянское петиционное движение временно угасает [3, с. 603, 606, 611, 613, 616, 617, 626]. Более того, в начале XX в. увеличивается число

установленных полицией оскорблений царской фамилии со стороны крестьян. В одном из полицейских донесений приводились следующие рассуждения на эту тему крестьянина с. Прилеп Воронежской губернии И. К. Чурилова: «Почему это нам царь до сего времени не сделает уравнение землею, если бы я был царь, разве бы я давно этого не сделал! Отца его убили, пора и этого убить, я бы и сам его убил» [8, с. 129].

Еще одной причиной роста антицаристских настроений в крестьянской среде в начале XX в. была русско-японская война. 21 июня 1904 г. в рапорте воронежского уездного исправника губернатору было сказано, что крестьянин с. Макарья Орловской волости И. Ф. Селиванов назвал царя жуликом в связи с начавшейся войной России с Японией. Он следующим образом рассуждал на эту тему: «Сейчас идет война с японцами; кто ее начал, как не наш царь? Нужен ему этот клочок Порт-Артур? А он влез туда; что у него земель мало что ли? А за этот клочок сколько нашего брата погибнет. Царь сам пошел бы туда воевать, покушал бы сам японского гостинца, а то он в стороне, а нашего брата туда пихает и гонит, как волов на бойню, а когда японцев победим, он нам земли не даст, как получали по 3 сажени на душу, так и будем получать... Если бы царя сейчас не было, мы бы жили теперь мирно; ты не поехал бы в Японию и я – тоже» [8, с. 140].

На рубеже веков в крестьянском движении усиливается антиклерикальный мотив. Например, в Сибири и Грузии он проявился в многочисленных фактах отказа крестьян выплачивать налоги на содержание священников, монастырей и притча. Также в страдавшей от малоземелья деревне учащаются конфликты с местными священниками из-за земли и других угодий, которыми последние пользовались с согласия общины [3, с. 169; 4, с. 186].

С 1902 г. обозначилась тенденция к превращению характерной для преформенного времени борьбы крестьянства за отрезки и спорные земли, а также за «прирезку» земли в борьбу за переход к крестьянам всей помещичьей земли. Это стало качественно новым явлением в развитии крестьянского движения в России.

Как на первом, так и на втором этапах крестьянское движение в 1890–1904 гг. охватывало практически все регионы страны, что указывало на неблагоприятное состояние российской деревни в целом. В то же время выделялись его эпицентры. Это современные территории Украины и Бессарабия (38,3 %), областей Центрального Черноземья и Поволжья (16,8 %), а также Беларуси и Прибалтики (15 %). Несколько уступали им нечерноземные области России (11,8 %), современный юг страны, Северный Кавказ и Закавказье (8,4 %). Наименьшим по интенсивности, по сравнению с перечисленными регионами, крестьянское движение было на Северо-Западе страны (4,8 %) и Урале (4,8 %) [3, с. 601–648; 4, с. 259–310]. Таким образом, эпицентры крестьянского протеста в 1890-е – 1904 гг. оказались сосредоточены в основных сельскохозяйственных районах страны, зонах преобладания крупного помещичьего землевладения и зернового производства, где в наибольшей степени сохранились пережитки крепостничества, а население несло основное бремя государственного тягла.

На первый взгляд, на фоне существовавших в Европейской России более 100 тыс. общин количество массовых крестьянских выступлений выглядит относительно незначительным [9, с. 624]. Но они свидетельствуют

о неблагополучии в российской деревне, накапливаемом там и растущем социальном напряжении. Тысячи не вошедших в «Хронику крестьянского движения» мелких конфликтов в деревне, а также подспудно назревавших на их основе более крупных выступлений крестьян при удобном случае могли вылиться в настоящую крестьянскую войну по типу «пугачевщины».

В рассматриваемый период крестьянское движение проявлялось в различных видах протестной активности, характерных для всего периода, но отличающихся по количественным и качественным показателям. Об их содержании можно судить по предложенной А. М. Анфимовым классификации, выработанной в результате изучения материалов опубликованных «Хроник крестьянского движения», а также привлечения других источников. Она характеризует качественное содержание крестьянских выступлений в 1890–1904 гг. [5, с. 202, 219]. Статистика крестьянского движения показывает, что наиболее распространенными видами крестьянских выступлений была борьба за землю против помещиков, казны и удела (межевые споры, захваты спорных участков, отрезков), потравы, порубки, выпас скота в помещичьих и казенных угодьях, поджоги помещичьих усадеб и имущества и др. Характерной особенностью крестьянских выступлений накануне Первой российской революции стало резкое учащение поджогов крестьянами помещичьих имений, доля которых в зафиксированной «Хроникой крестьянского движения» статистике выступлений за 1901–1904 гг. превысила 46 %.

Заметное место занимали выступления крестьян против местных властей, осуществлявших сборы налогов и принуждавших крестьян к выполнению различных повинностей. Бездеятельностью местных властей во время голода объяснялись разгромы крестьянами хлебозапасных магазинов.

Происходили конфликты и внутри крестьянского сообщества по поводу действий избранных представителей крестьянского самоуправления, злоупотреблявших полномочиями в своих интересах, а также между зажиточными и беднейшими крестьянами по спорным земельным и имущественным вопросам (так называемая «вторая социальная война»).

Следует особо подчеркнуть, что изначально инициатива конфликтов с помещиками и властью в подавляющем большинстве случаев исходила не от крестьян. Крестьяне вступали в открытые конфликты с помещиками и защищавшей их властью от безысходности и малоземелья, так как в предреволюционные десятилетия во всех регионах шел последовательный и нарастающий по интенсивности процесс закрепления прав помещиков на спорные участки земли, повышения арендных цен на землю, размежевания земель крестьян и помещиков в пользу последних, ограничения доступа крестьян к частновладельческим лугам, лесам и водоемам, без которых невозможно было вести крестьянское хозяйство. Все эти явления были прямым следствием, с одной стороны, роста населения и ухудшения обеспеченности крестьян землей с течением времени после отмены крепостного права, а с другой – развивающихся рыночных отношений, толкавших собственников земли и угодий на еще большее ограничение прав крестьян и усиление их эксплуатации.

1902 г. – время наивысшего подъема крестьянского движения в России накануне Первой российской революции (223 массовых выступления, или 293 % к среднегодовому числу крестьянских выступлений в 1890–1904 гг. (см. табл. 1)). Его кульминацией стали массовые выступления крестьян

Полтавской и Харьковской губерний в марте – апреле 1902 г. Они явились закономерной реакцией крестьян на невыносимо тяжелую ситуацию, сложившуюся в их хозяйствах в начале XX в. Кроме того, в Полтавско-Харьковских событиях в полной мере отразились все негативные явления в жизни основной массы крестьянских хозяйств Европейской России данного периода: малоземелье, ограниченный доступ к земельным и иным ресурсам, непосильные налоги и недоимки по платежам и т.п.

В Полтавской губернии в конце XIX в. происходил значительный рост числа малоземельных крестьянских семей [10, с. 355; 11, с. 79]. К началу волнений на крестьянский двор в среднем приходилось от одной до 1,1 дес. при 2,6 дес. среднего душевого надела крестьян Европейской России [6, с. 38]. При этом во владении помещиков, составлявших 1,5 % населения губернии, находилось почти половина (49 %) земельного фонда [4, с. 7]. Вследствие этого 55 % крестьян, в большинстве своем бедняки и середняки, были вынуждены арендовать у них землю на самых кабальных условиях, за отработки [12, с. 10]. Среди арендаторов преобладала так называемая «голодная» аренда, т.е. вынужденный съем земли, альтернативой которому было только голодное существование и смерть.

Аналогичная ситуация сложилась в Харьковской губернии, где на начало XX в. средний душевой надел земли крестьян был менее 2 дес. [6, с. 38].

О тяжелейшем положении крестьян Полтавской и Харьковской губерний свидетельствовали и факты огромного количества безлошадных дворов в крестьянских хозяйствах (свыше 50 %), а также уменьшение в них поголовья крупного рогатого скота и лошадей в начале XX в. (на 20–30 % по сравнению с 1870 г.) [11, с. 205]. Несколько недородов предшествовавших лет обострили ситуацию и стали каплей, переполнившей чашу мужицкого терпения. Острая нехватка хлеба, сознание того, что хлеб есть в избытке, но не у того, кто его посеял и собрал, а у того, кто его захватил в собственность, безвыходное положение хлеборобов стали поводом для вспышки крестьянского протеста в Полтавской и Харьковской губерниях весной 1902 г.

В период с 11 марта по 11 апреля 1902 г. в массовых выступлениях участвовало 16 тыс. крестьян Константиноградского и Полтавского уездов Полтавской губернии и 22 тыс. крестьян Валковского и Богодуховского уездов Харьковской губернии. Они разгромили свыше ста помещичьих имений и сахарных заводов. Это было самое крупное крестьянское выступление в России со времен отмены крепостного права. Оно носило характер восстания и было подавлено властями с помощью привлечения значительных воинских сил [4, с. 268–269]. Полтавско-Харьковские события вызвали большой общественный резонанс в стране. 15 апреля 1902 г. в Харьков прибыл министр внутренних дел В. К. Плеве, чтобы на месте лично разобраться в причинах массового крестьянского движения в Полтавской и Харьковской губерниях [4, с. 270].

Осенью 1902 г. состоялся открытый судебный процесс над участниками восстания. На скамье подсудимых оказалось 960 крестьян. Процесс вскрыл факты отчаянного положения крестьянства. Так, например, 22 сентября 1902 г. исполняющий обязанности обер-прокурора Сената Г. Г. Коваленский в письме к управляющему Министерством юстиции С. С. Манухину

о ходе судебного процесса над участниками крестьянского движения в Валковском уезде в качестве типичных примеров объяснения мотивов крестьян, толкнувших их к разграблению экономий, привел показания крестьян Зайцева и Кияна. В первом случае Зайцев на вопрос помещика С. Ф. Фесенко, за что восставшие хотят его разорить, отвечал: «У тебя одного 100 дес., а у нас по 1 дес. на семью. Попробовал бы ты прожить на 1 дес. земли, тогда бы посмотрел...». Во втором случае в страстной речи на суде крестьянина Кияна, обвиненного в разграблении экономии помещицы Е. Н. Яхонтовой, заявлялось: «Позвольте рассказать вам о нашей, мужичьей, несчастной жизни. У меня отец и 6 малолетних (без матери) детей, и надо жить с усадьбой в 3/4 дес. и 1/4 дес. полевой земли. За пастьбу коровы мы платим арендатору Кузьмину 12 руб., а за десятину под хлеб надо работать 3 десятины уборки. И это все надо заработать двумя мужичьими руками! Теперь уже даже и за такую высокую цену землю с трудом найдешь. Жить нам так нельзя... Мы в петле. Что же нам делать? Обращались мы, мужики, всюду. И у земского начальника были, ходили в земскую управу, нигде нас не принимают, нигде нам нет помощи». Г. Г. Коваленский, потрясенный услышанным, в выше-названном письме С. С. Манухину заключил: «Мне казалось, что в этой исповеди Кияна слышится вопль всего здешнего населения» [13, с. 194].

Еще один важный документ на тему Полтавско-Харьковских событий – это аналитическая записка директора Департамента полиции А. А. Лопухина, представленная Николаю II в декабре 1904 г. В ней отмечалось, что причинами «народного мятежа» явились «обнищание крестьянства, сословная его приниженность, созданное долгими годами бесправия отсутствие сознания о законе и праве и тупая жестокость нравов. Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно уже не знавшие мясной пищи, мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанным на безвыходности положения и на том, что им помощи ждать не от кого» [4, с. 109].

Свое отношение к крестьянским волнениям в Полтавской и Харьковской губерниях Николай II выразил 1 сентября 1902 г. в Курске в речи перед старшинами и сельскими старостами. Он привел сокращенную цитату из известной речи своего отца Александра III: «Слушайте ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам». От себя он добавил: «Помните, что богатеют не захватами чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям Божиим» [1, с. 32].

По приговору суда 836 участников крестьянских выступлений в Харьковской и Полтавской губерниях было приговорено к тюремному заключению. Кроме того, участвовавшие в выступлениях селения и крестьяне обязывались возместить причиненные убытки помещикам в астрономической для того времени сумме – 800 тыс. руб. [4, с. 107, 108; 13, с. 298].

На фоне других губерний в указанный период выделялся особенностями крестьянский протест в Сибири. По накалу противостояния он несколько уступал крестьянскому движению в Европейской части империи (699 выступлений в течение предреволюционного пятнадцатилетия, в среднем 47 выступлений в год). Это объяснялось более благоприятным положением крестьянского населения региона. В Сибири не было помещиков, и поэтому

отсутствовала важнейшая компонента крестьянского движения в Европейской России – противостояние с помещичьим землевладением. Кроме того, сибирские крестьяне располагали большими возможностями для ведения хозяйства. У них было больше наделной земли (до 15 дес. в среднем на одно хозяйство) и возможностей пользоваться лесными и водными ресурсами. Тем не менее и в Сибири в 1890–1904 гг. крестьянские выступления были постоянным явлением, а пик их также пришелся на 1902 г. (124 выступления, 266 % к среднегодовому уровню) [14, с. 310–315].

Причинами крестьянского недовольства были проблемы, связанные с ограничением доступа крестьян к свободным землям и лесным угодьям, которые оставались в собственности казны и Кабинета. Также они обуславливались постоянным ростом государственных и местных податей, нежеланием крестьян выполнять различные повинности и распоряжения власти. Региональной особенностью крестьянского движения в Сибири были конфликты старожилов и казаков с переселенцами. В этом же ряду фактор проживания в регионе значительного числа старообрядцев, которые не принимали государственного православия, культурно-просветительских мероприятий власти (открытие школ и т.д.) и к которым принимались меры законодательного ограничения.

Специфической чертой крестьянского движения были более частые и острые конфликты внутри крестьянских обществ между зажиточными и остальными крестьянами по поводу распоряжения землей и другими ресурсами. Представление о соотношении форм крестьянского движения в Сибири в 1890–1904 гг. дает табл. 2 [14].

В начале XX в. в сибирской деревне конфликты с властью происходили вследствие попыток крестьян захватить свободные земли, водные ресурсы, самовольно пользоваться лесными угодьями (порубки леса), производить заготовку камня и извести на продажу, осуществлять добычу золота и т.д.

Особенно острыми были конфликты общин с переселенцами и зажиточными односельчанами. Переселенцев лишали земли, не допускали к пользованию природными ресурсами. В свою очередь переселенцы самовольно захватывали земли старожилов, а также переселялись на свободные участки, принадлежавшие казне. Богатые крестьяне, купцы и промышленники нередко становились объектами для обложения общинами незаконными налогами, платежами и т.п. [14, с. 170–196].

В рассматриваемый период в крестьянском движении имели место отдельные конфликты с властью и между его участниками на первый взгляд на сословной, религиозной и этнической почве. Например, в Сибири происходили столкновения казаков и крестьян по поводу размежевания смежных земельных владений, в Уфимской губернии конфликты башкир, русских помещиков и торговцев из-за земли, лесных угодий и правил торговли на базарах и т.д. [3, с. 603; 7, с. 65, 142, 143, 146]. Во всех перечисленных случаях и других, им подобных, в основе конфликтов были чисто экономические причины. Крестьянам всех народностей и верований нужна была земля и другие ресурсы для ведения хозяйства, доступ к которым был ограничен законами и политикой действующей власти. То есть крестьянское движение в России накануне Первой русской революции было ярко выраженным социальным протестом, свободным от национализма.

Таблица 2

Соотношение форм крестьянского движения
в Сибири в 1890–1904 гг.

Формы крестьянского движения	1890–1900 гг.	Всего за 1901–1904 гг.	Всего за 15 лет	Процент к итогу
1. Отказ от уплаты податей	70	53	123	35,7
2. Самовольный захват казенных, кабинетских, частновладельческих угодий	20	23	43	12,5
3. Самовольные коллективные порубки	20	21	41	11,9
4. Выступления против кулаков и крупных арендаторов и т.п.	24	13	37	10,7
5. Сопrotивление межевым работам	3	27	30	8,7
6. Столкновения из-за угодий переселенцев со старожилами	14	10	24	7,0
7. Неподчинение властям, требование удалить представителей власти	10	13	23	6,7
8. Самовольный разбор хлеба из хлебозапасных магазинов	15	5	20	5,8
9. Уклонение от православия	2	–	2	0,6
10. Приговоры с отказом в открытии винной торговли, выступления против винной монополии	1	–	1	0,3
Всего	179	165	344	100

Подтверждением этому явились события в Грузии и в западных губерниях Российской империи. В 1902–1903 гг. массовые крестьянские волнения произошли в Душетском уезде Тифлисской губернии и Озургетском, Лечхумском, Зугдидском и Кутаисском уездах Кутаисской губернии. Это были уезды, где большинство пригодной для обработки земли находилось в руках помещиков. В начале XX в. они подняли и без того высокую арендную плату за землю, ограничили возможности выпаса крестьянского скота на принадлежащих им пастбищах. Местные власти активно защищали помещиков в части сбора с крестьян недоимок по выкупным платежам, взыскания штрафов за потравы, в ходе возникавших земельных споров и конфликтов. В результате начались массовые волнения в виде митингов и сходок с красными флагами, открытых захватов помещичьих земель, отказов платить арендные платежи за землю и пользование пастбищами. Движение продолжалось до весны 1904 г. Оно было подавлено властью вооруженной силой, в том числе путем расстрелов участников сходок и демонстраций [4, с. 173–191, 203–206, 281; 15; 16, с. 296–302, 388, 390, 478, 479].

Подобно событиям в Грузии со сравнимой интенсивностью в 1890–1904 гг. происходили крестьянские выступления и в белорусских губерниях.

Наибольшей активностью в крестьянском движении отличались Виленская, Витебская, Минская и Могилевская губернии. Главной его причиной было крестьянское малоземелье. Крестьяне были вынуждены арендовать помещичьи земли на кабальных условиях, за счет отработок. Рост арендной платы на землю, произвол землевладельцев и защищавших их местных властей обусловили крестьянский протест. В данных губерниях широкое распространение получили захваты крестьянами земель и угодий помещиков, потравы их посевов и сенокосов, отказы от уплаты выкупных платежей и т.п. [4, с. 28–32, 154–156, 207, 208].

Аналогичные процессы, но с меньшей интенсивностью, в силу природно-экономических особенностей региона (более развитой промышленности, слабости крупного помещичьего землевладения), происходили в губерниях нечерноземного центра, на Урале и в северо-западных губерниях [17].

На юге страны, в Бессарабии, украинских и прибалтийских губерниях, получили распространение волнения крестьян на почве найма на сельскохозяйственные работы. Нанятые батраки боролись за повышение заработной платы и против произвола землевладельцев и заводчиков [3, с. 626].

Развитие крестьянского движения в 1890–1904 гг. сопровождалось последовательным нарастанием насилия с обеих сторон. Если за 11 лет было подавлено с помощью ввода войск и использования казаков 36 крестьянских выступлений, то за четыре года (1901–1904) – более чем в 2 раза больше – 75; интенсивно росло и количество оказанного крестьянами вооруженного сопротивления властям в ходе выступлений (соответственно 49 и 72 случая по указанным периодам) [3, с. 601–648; 4, с. 259–310].

Местные власти активно использовали не только полицию, но и передислокацию в районы крестьянских волнений воинских и казачьих частей для подавления крестьянского протеста. Военная сила использовалась при разрешении земельных споров между крестьянами и помещиками, проведении различных конфискаций имущества крестьян и самих должников за незаконные порубки частновладельческого леса, потравы помещичьих пахотных угодий, лугов и лесов, невыплату и неисполнение крестьянами различных податей и недоимок по ним. Со своей стороны поставленные перед фактом разорения хозяйств и голода в результате карательных действий власти наиболее решительно настроенные крестьяне и селения пытались оказывать вооруженное сопротивление. Оно безжалостно подавлялось войсками и казачьими отрядами, которые не только пресекали акты крестьянского неповиновения, в том числе с использованием оружия, но и публично наказывали наиболее активных его участников – как правило, пороли розгами. Особенно массово телесные наказания использовались в ходе подавления восстания крестьян весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях [4, с. 268, 269, 297].

Опасаясь новой «пугачевщины», царское самодержавие решительно пресекало с помощью силы проявления массового неповиновения крестьян, защищая при этом интересы помещиков и землевладельцев.

В официальных сообщениях о харьковских и полтавских событиях 1902 г., а также в других многочисленных донесениях жандармских чинов и полиции в вышестоящие органы о фактах крестьянского движения в рассматриваемый период настойчиво проводилась мысль о «противоправительственной пропаганде» как главной причине «беспорядков» [18, с. 10, 11].

Формально для таких заявлений были основания. Именно в конце XIX – начале XX в. в России возникают основные революционные партии (эсеров и социал-демократов), которые начинают вести активную пропаганду и агитацию в крестьянской среде. В 1902 г. эсеровские группы создаются в основных земледельческих губерниях России. Они нелегально издавали и распространяли в сельской местности десятки тысяч листовок, брошюр и воззваний с призывами к борьбе с помещиками и самодержавием, пытались организовать в деревнях крестьянские братства и ячейки партии. Их деятельность получает определенную поддержку в крестьянской среде. В конце 1890-х и в начале 1900-х гг. крестьяне уже не крутят руки за спину агитаторам и не препровождают их с брошюрами в участок, как это было в 1870-е гг., а внимательно слушают и сами «читают литературу» [19, с. 197–209]. Происходило это потому, что вносимые в крестьянскую среду идеи эсеров падали на благодатную почву – растущее желание крестьян разобраться в причинах своего тяжелого положения и изменить его с помощью революционной борьбы.

В то же время, по признанию самих же активистов партии, их работа в данный период «велась наугад», ее результаты «были ничтожны», ни в одной из губерний систематическая агитация не выходила за пределы незначительной части уезда, в деревнях действовали одиночки, не хватало людей и средств [19, с. 200]. В 1903 г. редакция «Революционной России», главного органа партии эсеров, анализируя Полтавско-Харьковские события, констатировала: «Крестьянское движение... создалось стихийно, почти конвульсивно» [20]. То есть в первые годы XX в. эсеры только разворачивали свою деятельность в деревне, поэтому не могли «руководить» крестьянским движением.

В действительности это движение в указанный период оставалось стихийным по своей природе, и влияние на него революционных организаций было незначительным, в том числе и социал-демократов. Одним из примеров такого влияния является сходка крестьян с. Кулаши Кутаисского уезда Кутаисской губернии, организованная в 1903 г. членами Батумского социал-демократического комитета [15].

После подавления крестьянских выступлений 1902 г. вплоть до начала Первой российской революции наблюдался некоторый спад крестьянского движения. Но оно не затухало и продолжалось во всех губерниях России с разной степенью интенсивности, приспосабливаясь к изменившимся обстоятельствам. Например, с 1903 г. крестьяне более активно пускают своим недругам «красного петуха». Только в Саратовской губернии в течение этого года было подожжено 119 экономий и хозяйственных построек помещиков, а в Пензенской губернии – вдвое больше (238). Во многих случаях крестьяне отказывались тушить горевшее имущество имений, несмотря на призывы помещиков и местных должностных лиц о помощи [4, с. 289, 292].

Хотя в первые годы XX в. самодержавию с помощью государственного аппарата насилия и удалось сдержать нараставший годами крестьянский протест, оно было вынуждено отреагировать на него: внести коррективы в текущую аграрную политику и заняться изменением ее курса в долговременной перспективе. В 1902 г. под влиянием крестьянского движения была учреждена Редакционная комиссия МВД по пересмотру законоположений о крестьянах

под председательством А. С. Стишинского, а также создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности во главе с С. Ю. Витте. Их задачей ставилась разработка мер для решения остро вставшего на повестку дня аграрного вопроса. В ходе деятельности этих органов были разработаны меры, положенные затем П. А. Столыпиным в основу проводимой им аграрной реформы.

Разрабатываемые правительством реформы и принимавшиеся меры административного и финансового характера (указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», наметивший улучшение положения крестьян; учреждение системы военизированной сельской полиции, получившей наименование уездной полицейской стражи; отмена круговой поруки сельских обществ за своих членов по уплате окладных сборов; отмена телесных наказаний для крестьян и т.д.) были направлены на успокоение деревни. Но они не могли кардинальным образом улучшить положение подавляющей массы крестьянского населения страны. В силу этого складывались предпосылки для нового подъема крестьянского движения. И он наступил в годы Первой российской революции.

Список литературы

1. Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. 80 с.
2. Прусс А. П. Историография крестьянского движения в пореформенной России. Алма-Ата, 1990. 126 с.
3. Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. : сб. док. М. : Соцэкгиз, 1959. 753 с.
4. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. : сб. док. М. : Наука, 1998. 367 с.
5. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904 гг. М. : Наука, 1984. 232 с.
6. Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. 602 с.
7. Сафонов Д. А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1998. 288 с.
8. Крестьянское движение в Воронежской губернии (1864–1904 гг.) : сб. док. и материалов. Воронеж, 1964. 155 с.
9. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М. : Новый хронограф, 2009. 741 с.
10. Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб., 1894. 624 с.
11. Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 гг. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. 317 с.
12. Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1908 г. Полтава, 1908. 26 с.
13. Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. : сб. док. Харьков : Харьковское книжное изд-во, 1961. 324 с.
14. Крестьянское движение в Сибири, 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. 327 с.
15. Крестьянское движение в Западном Закавказье в 1902–1905 гг. // Красный архив. 1940. № 2 (99). С. 90–126.
16. Крестьянское движение в Грузии накануне революции 1905 г. // Исторический вестник. 1959. Вып. 10. С. 296–479.

17. Шустов К. Б. К вопросу о динамике классовой борьбы крестьянства Новгородской и Псковской губерний в последней четверти XIX – начале XX вв. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1987. С. 41–45.
18. Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб., 1907. 172 с.
19. Леонов М. И. Агитация крестьян эсерами (1902–1904 гг.) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований : материалы I Всерос. (IV межрегион.) науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Самара, 12–13 мая 2006 г.). Самара, 2007. С. 197–209.
20. Революционная Россия. 1903. № 15. С. 17–21.

References

1. *Polnoe sobranie rechey imperatora Nikolaya II. 1894–1906 = Complete collection of speeches of Emperor Nicholas II. 1894–1906.* Saint Petersburg, 1906:80. (In Russ.)
2. Pruss A.P. *Istoriografiya krest'yanskogo dvizheniya v poreformennoy Rossii = Historiography of the peasant movement in post-reform Russia.* Alma-Ata, 1990:126. (In Russ.)
3. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1890–1900 gg.: sb. dok. = Peasant movement in Russia in 1890–1900: collected files.* Moscow: Sotsekgiz, 1959:753. (In Russ.)
4. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1901–1904 gg.: sb. dok. = Peasant movement in Russia in 1901–1904: collected files.* Moscow: Nauka, 1998:367. (In Russ.)
5. Anfimov A.M. *Ekonomicheskoe polozhenie i klassovaya bor'ba krest'yan Evropeyskoy Rossii. 1881–1904 gg. = The economic situation and the class struggle of the peasants of European Russia . 1881–1904.* Moscow: Nauka, 1984:232. (In Russ.)
6. *Pervaya revolyutsiya v Rossii: vzglyad cherez stoletie = The first revolution in Russia: a look after a century.* Moscow, 2005:602. (In Russ.)
7. Safonov D.A. *Krest'yanskoe dvizhenie na Yuzhnom Urale. 1855–1922 gg. Khronika i istoriografiya = Peasant movement in the South Urals. 1855–1922. Chronicle and historiography.* Orenburg, 1998:288. (In Russ.)
8. *Krest'yanskoe dvizhenie v Voronezhskoy gubernii (1864–1904 gg.): sb. dok. i materialov = Peasant movement in the Voronezh province (1864–1904): collected files and materials.* Voronezh, 1964:155. (In Russ.)
9. Ivanova N.A., Zheltova V.P. *Soslovnnoye obshchestvo Rossiyskoy imperii (XVIII – nachalo XX veka) = Estates society of the Russian Empire (18th – early 20th century).* Moscow: Novyy khronograf, 2009:741. (In Russ.)
10. *Svod statisticheskikh materialov, kasayushchikhsya ekonomicheskogo polozheniya sel'skogo naseleniya Evropeyskoy Rossii = The set of statistical materials concerning the economic situation of the rural population of European Russia.* Saint Petersburg, 1894: 624. (In Russ.)
11. *Materialy vysochayshe utverzhdennoy 16 noyabrya 1901 g. komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 po 1900 gg. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemel'del'cheskikh guberniy sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropeyskoy Rossii = Materials of the highest commission approved on November 16, 1901 to study the issue of movement from 1861 to 1900, the welfare of the rural population of the middle agricultural provinces in comparison with other localities of European Russia.* Saint Petersburg, 1903:317. (In Russ.)
12. *Statisticheskii ezhegodnik Poltavskogo gubernskogo zemstva na 1908 g. = Statistical Yearbook of the Poltava provincial zemstvo for 1908.* Poltava, 1908:26. (In Russ.)
13. *Krest'yanskoe dvizhenie v Poltavskoy i Khar'kovskoy guberniyakh v 1902 g.: sb. dok. = The peasant movement in the Poltava and Kharkov provinces in 1902: collected files.* Kharkov: Khar'kovskoe knizhnoe izd-vo, 1961:324. (In Russ.)

14. *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri, 1861–1907 gg. Khronika i istoriografiya = The peasant movement in Siberia, 1861–1907. Chronicle and historiography.* Novosibirsk, 1985:327. (In Russ.)
15. The peasant movement in Western Transcaucasia in 1902–1905. *Krasnyy arkhiv = The red archive.* 1940;(2):90–126. (In Russ.)
16. Peasant movement in Georgia on the eve of the 1905 revolution. *Istoricheskiy vestnik = Historical bulletin.* 1959;(10):296–479. (In Russ.)
17. Shustov K.B. On the dynamics of the class struggle of the peasantry of the Novgorod and Pskov provinces in the last quarter of the 19th – early 20th centuries. *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii = Northwest in the agrarian history of Russia.* Kaliningrad, 1987:41–45. (In Russ.)
18. Veselovskiy B. *Krest'yanskiy vopros i krest'yanskoe dvizhenie v Rossii (1902–1906 gg.) = The peasant question and the peasant movement in Russia (1902–1906).* Saint Petersburg, 1907:172. (In Russ.)
19. Leonov M.I. The agitation of the peasants by the Social Revolutionaries (1902–1904). *Mir krest'yanstva Srednego Povolzh'ya: itogi i strategiya issledovaniy: materialy I Vse-ros. (IV mezhhregion.) nauch.-prakt. konf. istorikov-agrarnikov Srednego Povolzh'ya (g. Samara, 12–13 maya 2006 g.) = The world of the peasantry of the Middle Volga region: results and research strategy: proceedings of the 1st All-Russian (4th interregional) scientific and practical conference of agrarian historians of the Middle Volga region (Samara, May 12–13, 2006).* Samara, 2007:197–209. (In Russ.)
20. *Revolutsionnaya Rossiya = Revolutionary Russia.* 1903;(15):17–21. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Виктор Викторович Кондрашин

доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра экономической
истории, Институт российской истории
Российской академии наук (Россия,
г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: vikont37@yandex.ru

Viktor V. Kondrashin

Doctor of historical sciences, professor,
head of the Center for Economic History,
Institute of Russian History of the Russian
Academy of Sciences (19 Dmitriya Ulyanova
street, Moscow, Russia)

Игорь Николаевич Слепнёв

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник Центра
экономической истории, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: witte@yandex.ru

Igor N. Slepnev

Candidate of historical sciences, senior
researcher of the Center for Economic
History, Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19 Dmitriya Ulyanova street, Moscow,
Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 11.11.2021

Принята к публикации / Accepted 29.11.2021